

Санкт-Петербургский государственный университет

РУССКО-ГЕРМАНСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ КАК ПРОСТРАНСТВО
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Выпускная квалификационная работа по направлению: 033000

Культурология

Основная образовательная программа: Культурология, профиль Культура
Германии.

Исполнитель:

Беляев Валерий Валерьевич

Научный руководитель:

д.ф.н., доц. Артамошкина Л.Е.,

Рецензент:

д.ф.н., проф.. Никоненко С.В.

Санкт-Петербург

2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Generating Table of Contents for Word Import ...

ВВЕДЕНИЕ

Пограничные территории, место встречи, а часто и столкновения, различных культур, во все времена обладали рядом особенностей, отличавших их от «основного» ареала распространения культуры. Во-первых, пограничье, как правило, носит в себе признаки нескольких культур и, в отличие от «основного» пространства, в котором также могут присутствовать топоры «чужеродной» культуры, эти признаки являются органичной, неотъемлемой его частью, конституирующей само существование пограничья. Во-вторых, то множество смыслов, которыми наделяется объект в пограничье (вследствие наложения различных культур), позволяет пограничью «переводить» эти смыслы с языка одной культуры на язык другой. Содержание работы ограничено Новейшим временем, что акцентирует внимание на роли тоталитарного государства в процессах межкультурной коммуникации. В качестве наименования Германии в описываемый исторический период, в работе используются обозначения «Германский рейх» или «Германская империя» как официальные названия немецкого государства в промежутке от объединения германских земель в 1871 году до падения нацистского режима в 1945 году.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования данной работы является межкультурная коммуникация, между Германским рейхом и СССР в первой половине XX века. Поскольку характер существования тоталитарной власти во многом обусловлен идеологией и соответствующими мероприятиями, служащими поддержанию контроля над населением, то имеет смысл предположить, что тоталитарные государства общаются друг с другом похожим способом: формируют определенные образы, которые могут быть встроены в государственную мифологию, обуславливающую схему распространения влияния. Иными словами, тоталитарное государство стремится создать единый контекст, в который может быть помещено как собственное

население, так и посторонние властные структуры и который определяет, как формирование собственной мифологемы, отвечающей идеологии государства, так и образы, определяющие восприятие другой культуры, а, следовательно, и принципы коммуникации с ней. Таковой контекст становится условием формирования особого языка, на котором власть обращается к внешним, по отношению к ней, «объектам».

Предмет исследования данной работы – пограничное пространство, выступающее не только как место разделения, но и как средство связи культур, образ которых создается властными структурами.

Актуальность исследования

Актуальность исследования обусловлена интересом международного научного сообщества к вопросам тоталитаризма и его влияния на культуру. Несмотря на значительную проработанность тем, связанных с историей XX века вообще и тоталитарных государств, в частности, рассмотрение событий, подобных происшедшим в этот исторический период не может считаться достаточным, поскольку сохраняется непосредственное влияние актуальной ситуации на интерпретацию событий прошлого. Проблема понимания и преодоления прошлого является одной из основных причин раскола между поколениями, который обусловлен образами, навязанными властными структурами, образами, которые выполняют манипулятивные функции на уровне социальных взаимодействий.

Цели и задачи исследования

Целью данной работы является рассмотрение русско-германского пограничья как пространства межкультурной коммуникации. В соответствии с целью можно выделить следующие *задачи*:

1. Определить значимость понятия «культурный ландшафт» для аналитики процессов культуры в рамках заявленной темы.

2. Рассмотреть формы идеологической политики Германии и СССР
3. Выделить основные черты мифологем, определяющих идеологию указанных выше стран.
4. Установить связь между изменениями мифологем, лежащих в основе идеологий, и восприятием культурного ландшафта
5. Проследить развитие конкретных идеологических образов и их роль в межкультурной коммуникации.

Методологическая база исследования

В качестве *методологии* исследования используется культурологический анализ, исторический анализ на основе отечественных и зарубежных источников, а так же методы исследования культурного ландшафта. Особенно теоретически значимыми являются работы отечественных исследователей В.Л. Каганского и Д.Н. Замятина, которые определяют понятие культурного ландшафта и возможности его применения в пространстве аналитики культуры. В данной работе их теории применяются к рассмотрению ситуации культурного пограничья в конкретный исторический период и на определенной территории. Также в работе используются труды зарубежных исследователей, таких как Томас Линденбергер (Thomas Lindenberger) и Ян Берендс (Jan C. Behrends), которые занимаются изучением немецкого общества периода Германской Демократической Республики. Помимо этого, в работе используются труды отечественных и зарубежных историков, таких как О.Ю. Пленков и Герд Кёнен (Gerd Koenen), исследующих период нацистской диктатуры в Германии.

Структура работы

Структура работы предполагает наличие введения, трех глав и заключения. В первой главе даются определения основных понятий, используемых в работе, таких как «ландшафт» и «пограничье», а также рассматриваются теоретические аспекты, связанные с выбранной темой исследования. Во второй главе рассматриваются образы культурного ландшафта, используемые в идеологической политике Германии и СССР в контексте исторических событий начала XX века, а именно Первой и Второй мировых войн. В третьей главе исследуются перемены в восприятии культурного ландшафта, наступившие по окончании Второй мировой войны. Рассматривается влияние господствующей идеологии, а также характер восприятия её с точки зрения обывателя; выявляется роль и функции пограничья на новых этапах исторического процесса.

1. РОЛЬ ЛАНДШАФТА В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

1.1 Понятие культурного ландшафта

Генезис такого понятия как «культура» отсылает к образу освоения или искусственного изменения природы под влиянием творческой силы человека. То есть, способность индивида к «употреблению» объектов окружающей его действительности лежит в основе его взаимодействия с внешним, по отношению к нему, миром. Одним из таких взаимодействий несомненно является формирование жизненной среды человека. На протяжении жизни индивида или периода существования социальной группы, пространство, в котором ведется деятельность, трансформируется сообразно тому, как в процессе изменяется сам субъект действия. Пространство, которое было «освоено» человеком несет в себе, таким образом, не только следы пребывания предшествующих поколений людей, но и материал для осмысления и переработки в актуальные культурные формы. Подобно тому как багаж духовного наследия незримо сопутствует человеческой истории, ландшафт, в котором она осуществляется, становится такой же составной частью единой сферы репрезентации регионов. Сама возможность абстрактного расчленения на отдельные составляющие какой-либо части территории планеты Земля, это результат длительного воздействия культуры человеческих обществ¹. Однако подобная демаркация изначально задана природными характеристиками обитаемого пространства. Дифференциация различных географических объектов, а также ранжирование их утилитарного предназначения не может базироваться на чем-то ином, нежели то, какой данная территория предстала человечеству «ad hoc»². Тем не менее, любые формы выделения определенных частей из непрерывной и сплошной среды ландшафта говорят, в большей степени, о расчертившем это пространство

¹См. *Каганский В.Л.* Мир культурного ландшафта // Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 25-26.

² От лат. – «по особому случаю», «специально для этого».

обществе, чем о природной составляющей населенного им ландшафта³. Тем самым, можно говорить о том, что ландшафт является универсальной мерой человеческой деятельности, своеобразным медиумом между человеком как природным существом и созданным им же миром культурных форм.

Разделение результатов деятельности всего человечества на некоторые «национальные культуры» также проявляется в ландшафте. Способность культурного пространства к «расширению» и «сжатию» масштабов собственного бытия позволяет отдельно взятому народу иметь целую палитру контекстов, в которых культура проявляется и как культура отдельных индивидов, семей, профессиональных групп, национальных и сексуальных меньшинств и как культура всей нации, при этом сохраняя уникальные особенности каждого из потенциальных носителей⁴. При этом, рассмотрение взаимоотношений между различными культурами с точки зрения ландшафта может изменять свой характер в зависимости от того, в каком масштабе взяты объекты. Иными словами, ландшафт, ввиду своей полимасштабности, включает в себе весь спектр возможных смыслов, которые может иметь межкультурная коммуникация; для ландшафта нормальна ситуация, при которой два объекта не имеют ничего общего и, одновременно, включают в себе друг друга⁵. На протяжении человеческой истории люди научились в той или иной степени различать отдельные культурные ландшафты, также, как и размежевывать населенную ими землю.

Подход к исследованию взаимодействия культур был несколько «заужен» понятием географического образа⁶. Для аналитики культуры данное понятие само по себе является недостаточным, однако в культурно-историческом аспекте именно точка рассмотрения, предполагаемая

³ См. *Каганский В.Л.* Мир культурного ландшафта. С. 28

⁴ Там же. С. 33-34.

⁵ Там же. С. 32

⁶ См. *Замятин Д.Н.* Феноменология географических образов // Новое литературное обозрение. 2000. №6(46). С. 259-261.

географическим образом становится основным способом различения государств в контексте культурного ландшафта. Следовательно, исследование отношений между реальным пространством и географическим образом развивается от архаичного взгляда на ландшафт, предполагающего разделение на Хаос и Космос, который, будучи ограничен пределами населенного пункта, предоставлял человеку материал для «освоения». Далее, следуя логике исторического процесса, значение приобретает непосредственное «расчерчивание» ландшафта, подобно тому, как он представлен на географической карте⁷.

Культура оказывается зажатой в рамки территориальной экспансии определенного государства, в то время как ландшафт «прирастает» к единственному из всех возможных масштабов, который, что характерно, полностью соответствует точке зрения властных структур на управляемое ими пространство. В зависимости от геополитической ситуации точка зрения может принимать различные формы, однако все они, так или иначе, составляют совокупность пространства власти, в котором властные структуры являются главным субъектом «употребления» пространства, которое может простирается далеко за пределы установленных государственных и национально-культурных границ⁸. Имеет смысл также предположить, что чем больший охват имеют полномочия властных структур, тем глубже проникает их влияние в ландшафт. Соответственно, обретение абсолютной власти позволяет видоизменять обитаемое пространство индивида не только посредством наложения границ и создания/уничтожения географических объектов, но и путем насыщения семиотической составляющей культурного ландшафта избранными знаковыми системами, прокладывая воспринимающему их субъекту «правильный» путь восприятия его жизненной среды и взаимодействия с окружающим миром. Так, конкретный географический образ подменяется неким определенным

⁷ См. *Замятин Д.Н.* Феноменология географических образов. С. 263

⁸ Там же. С. 270

«первообразом», имплицитно содержащим в себе следы присутствия данной власти. Тем самым происходит возвращение к изначальному способу восприятия пространства через мифологию, в котором, однако, роль внешнего Хаоса отводится не природному, а «чужеродному», тому что находится за пределами распространения власти.

Склонность разграничивать «свое» и «чужое» пространство является одним из древнейших способов взаимодействия человеческого общества и ландшафта⁹. Как было сказано выше, усложнение социальной организации позволило вынести «освоение» пространства за рамки естественных потребностей человека, таких как обозначение опасных, «нехороших» мест или, в свою очередь, присвоение полезных и плодородных территорий. Границы, проявившиеся не только как разделение внешнего и внутреннего, но и как расчленение внутреннего на отдельные, неравноправные части, вступают в игру представлений с человеческим сознанием, которое пусть и не способно «увидеть» определённые барьеры, осознаёт их присутствие на уровне социальных взаимодействий, а также традиций и, собственно, взаимоотношений с властью.

Мишель Фуко, в своей работе «Другие пространства», предложил концепт гетеротопии, заключающийся в рассмотрении ряда социальных практик и культурных феноменов, относящихся к реальному миру, как «пространства», в котором контекст данных практик и феноменов изменяется до неузнаваемости, вплоть до своей полной противоположности¹⁰. По отношению к ландшафту, учитывая его одновременную цельность и дифференцированность, а также неограниченную способность к размежеванию, гетеротопия, в зависимости от точки рассмотрения, обретает возможность присутствовать как некий тотальный инвариант «окультуренного» пространства, образуя дополнительный, «альтернативный»

⁹ См. *Замятин Д.Н.* Феноменология географических образов. С. 255

¹⁰ См. *Foucault, Michel* Andere Räume // Barck, Karlheinz u.a. (Hg.), *Aisthesis. Wahrnehmung heute oder Perspektiven einer anderen Ästhetik.* Leipzig: Reclam, 1992. С. 39-41.

комплекс ценностей и смыслов, предоставленный осваивающему его человечеству, но скрытый границами повседневности. Семиотическая оформленность гетеротопии, в зависимости от эпохи и культуры, может варьироваться от практически полной аналогии с «основным» пространством, до своеобразной «невидимости», в которой гетеротопия является нулевым знаком. Таким образом, взаимодействие с ландшафтом посредством знаков и знаковых систем является также и взаимодействием с гетеротопией, образ и степень присутствия которой изменяется согласно тому как будет «прочитан» тот или иной ландшафт. Так, например, в военное время образ страны-противника, ее населения и территории преподносится властными структурами как абсолютная гетеротопия. При этом, деятельность комбатантов по мобилизации населения которая может, как и гиперболизировать («чудовищная военная машина»), так и приуменьшать («низшая раса») реальные обстоятельства, приводит к тому, что отрицательные характеристики присущие участникам боевых действий вкладываются исключительно в образ противника, в то время как образ «своих» подвергается тщательной «полировке». Иными словами, способность гетеротопии деконструировать повседневный порядок вещей используется в мобилизационной риторике для создания универсального Другого, чья чужеродность позволяет действовать по отношению к нему не так как принято внутри группы, что позволяет группе оставаться единым монолитным образованием, в условиях кризиса¹¹.

В своей наиболее характерной форме гетеротопия, как способность к «инаковости», проявляется в пространстве, которое разделяет ареалы распространения различных культур. Подобное пространство, обычно обозначаемое понятием «фронтир», вследствие наложения большого числа объектов и образов, принадлежащих к различным культурам, вынужденных соседствовать и взаимодействовать друг другом, является естественной

¹¹ См. *Баньковская С.П.* Другой как элементарное понятие социальной онтологии // Социологическое обозрение. 2007. №1. Том 6. С. 78-79.

средой обитания для Другого-Чужака. Фронтир это зона постоянного освоения и постоянной мобильности. Основной способностью Чужака является его подвижность, его способность к нарушению границ, которое позволяет ему соприкоснуться с различными культурами не принадлежа им, что, в сути, делает его не только «потребителем» пограничного пространства, но и его неотъемлемой частью. Таким образом, фронтир, как воплощение постоянной динамики, обретает собственный культурный ландшафт, базирующийся на образе Другого-Чужака, который и является подлинным «хозяином» зоны перехода, находясь как бы «между границами»¹². Подобная характеристика пограничья позволяет говорить о том, что оно, ввиду своей подвижности, не столько разделяет зоны обитания различных групп, сколько наоборот, обеспечивает их связь. Межкультурная коммуникация в пограничном пространстве, несмотря на присущие ему черты гетеротопии, такие как способность размывать устоявшиеся образы, осуществляется, тем не менее, с позиции власти. Стремление любой властной структуры к расширению зоны своего влияния создает, непосредственно, саму ситуацию перехода, характеризующую пограничье. Соответственно, будет справедливо рассматривать фронтир не только как локализованный переход между некоторыми общностями, но и как потенциальное пространство экспансии отдельно взятой властной структуры. Таким образом, с позиции власти, любые маркеры, указывающие на «дикость» и «непокорность» пограничья, должны быть растворены в имманентном единстве пространства власти. Собственно, указание на какую-либо «дикость» фронта (вне зависимости от того, является ли это показателем неполноценности или наоборот превосходства) является частью процесса по его освоению, поскольку, как было указано выше, «переписывание» культурного ландшафта является одной из основных стратегий распространения власти. Учитывая, что ландшафт изначально неразделен и выделить что-либо конкретное в нем способна лишь человеческая деятельность, именно властные структуры

¹² См. Баньковская С.П. Другой как элементарное понятие социальной онтологии. С. 84-86

«обнаруживают» пограничье со всеми его свойствами, открывая неразличимое гетеротопическое наполнение и наделяя его отрицательными характеристиками. Подобно тому, как в архаичных обществах разграничивали Космос и Хаос, образ врага в современном мире создается в контексте противопоставления «своего» и «чужого»; фронтир же, в подобной ситуации, считается «ничьим», а, следовательно, присвоение его не является нарушением устанавливаемого властью порядка. Тем самым, можно сказать что пограничные пространства во многом существуют для того, чтобы быть объектом внимания со стороны противоборствующих властных структур, конституируя этим их существование друг для друга.

1.2 Межкультурная коммуникация в пограничье

Рассматривая культурный ландшафт как наслоение различных точек зрения и создаваемых образов, можно выделить еще одно его свойство, а именно – способность быть посредником в диалоге культур. Поскольку всякое место имеет бесконечное количество контекстов, в которых оно может быть осмыслено, то именно место, как пространство встречи культур, является универсальным «переводчиком» с языка одной культуры на язык другой¹³. Выход за пределы собственного смысла, выражающий готовность культуры к коммуникации, дает возможность «прочитать» другие образы пространства, помимо своего собственного¹⁴. Чужаки, перемещающиеся из одного пространства в другое, «забирают» с собой образы тех мест где они уже побывали. Таким образом, топосы, как укорененные «в земле» образы, формируются в культуре вне зависимости от того, насколько удален в пространстве их «источник». Большие скопления топосов различных культур в одном пространстве, когда образы одновременно сохраняют связь с «основным» для себя пространством и вступают в связь с «чужеродным», образуют пограничье. Гетеротопический ландшафт фронта, существующий

¹³ См. *Каганский В.Л.* Мир культурного ландшафта. С. 27

¹⁴ См. *Сокольских Н.Н.* Диалог пограничных культур // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. №31. Том 10. С. 135

за счет множественных пересечений различных образов, смыслов и контекстов, образует ситуацию «уравнивания». Вследствие особой конституции пространства гетеротопии, в котором либо существует абсолютный порядок, либо спектакль, в котором нормы и установления теряют свою силу, носители различных культур могут, будучи отчужденными от «своего», пространства вступать в коммуникацию с Другими¹⁵. Похожим образом, вступают во взаимоотношения также и властные структуры и, соответственно, подконтрольные им пространства. Как было сказано выше, антагонисты, «разглядывающие» друг друга через пограничье, априорно вовлечены в коммуникацию, поскольку стремлением каждой властной структуры является увеличение своего ареала распространения. Фронтир же, который одновременно связан со многим и одновременно с этим ни с чем, помимо «точки обзора» одной властной структуры на другую, является также и местом их встречи.

Наступление эпохи массовых идеологий и установление тоталитарных режимов в России и Германии в начале века привело к тому, что коммуникация между русской и немецкой культурами оказалась ограничена действиями властных структур. Так, например, устранение неудобной правительству литературы и прессы, ограждение граждан от получения информации из заграницы, а также искусственное формирование положительного образа своей страны уже в глазах иностранных держав, вплоть до выстраивания «потемкинских деревень» для тех, кто желал посетить СССР или Третий рейх, - все это служило тому, чтобы лишить население способности «видеть» что-либо и кого-либо за пределами пространства распространения власти. Тем самым, имеет смысл предположить, что в ситуации тоталитарного государства, межкультурная коммуникация, это, прежде всего, определенная стратегия пропаганды. Ограничение сферы взаимодействия отдельно взятого человека с ландшафтом, преследует цель увеличения эффективности контроля над

¹⁵ См. Foucault, Michel *Andere Räume*. S. 42-45.

населением и территорией. Индивид «осваивает» свое жизненное пространство и включает его в некий общий контекст, который в широком смысле и называется народной культурой¹⁶. Симфония смыслов и образов, возникающих таким образом в культуре, проявляется в повседневных практиках, искусстве, языке и в том, что принято называть «особенности» (национальные, региональные, локальные и т.д.). Как было сказано выше, ландшафт сам по себе заключает в себе все возможные «особенности», которые проявляются в нем как множественные иерархии. Иерархии (а точнее микроиерархии, поскольку никакой универсальный порядок не может возникнуть в ландшафте «естественным» путем) становится видимой, выделяется из общего пространства в той ситуации, когда отдельные составляющие ландшафта наделяются особой *ценностью*, что и различает их с остальным пространством. Выработка нормы, по которой можно ранжировать эти ценности, согласно Владимиру Каганскому, является внешним, по отношению к ландшафту, действием, на которое способна только власть¹⁷. Выделение некоторых «позитивных» (с точки зрения прагматики), значимых объектов ландшафта и встраивание их в создаваемый властью единый образ, позволяет власти эффективнее осуществлять контроль, поскольку значимые объекты всегда выводятся на передний план; ценности экспонируются как для собственного населения, так и для Других. Значимые объекты образуют схему, по которой производится различение и нормирование элементов ландшафта сообразно замыслу властных структур. Однако подобные различения могут возникать и без непосредственного влияния власти, а точнее, при условии отсутствия у властей возможности к абсолютному контролю, характерной для тоталитарных режимов. В такой ситуации, человек выстраивает свои отношения с властью в некоторой «нейтральной зоне», находящейся между личным пространством индивида, в котором власть не имеет влияния или

¹⁶ См. Каганский В.Л. Мир культурного ландшафта. С. 34

¹⁷ Там же. С. 41

имеет его в минимальной степени, с одной стороны и непосредственно структурами власти с другой. Таким образом, в этой сфере пересечения интересов человека и власти, императивную способность в выделении определенных ценностей из общего контекста обретает история, как действительная последовательность событий, закрепленная в коллективной памяти. Поэтому, одним из видов пропагандистской деятельности тоталитарного государства является переписывание истории, а также смена акцентов в культуре, благодаря чему значимые объекты ландшафта, чья ценность подтверждается памятью и историей, вытесняются искусственными образами выгодными власти.

В качестве примера подобной ситуации, можно привести смешение культур, характерное для эпохи империй XIX века. Сама форма государственного устройства – империя, предполагает множество различных друг от друга форм взаимодействия центральной власти и населения. Нахождение в обитаемом пространстве носителей одной культуры следов распространения другой не является чем-то экстраординарным, даже если речь идет об «основном» пространстве. Так, например, живой интерес со стороны России к немецкой культуре, носил изначально исключительно утилитарный характер, санкционированный имперским правительством. Заимствование форм, методов и даже экспертов в области технологии и хозяйства, к началу XX века приняло облик глубокой духовной связи, имевшей также и обратное движение (интерес к России в Германии). Однако в условиях тоталитарного государства, появившегося позднее, вне зависимости от идеологии (поскольку подобное было характерно как для коммунистических, так и националистических режимов), эти топосы не имели места в том смысле, что само их существование определялось их «инаковостью», поскольку именно принадлежность их к другой культуре позволяла им самостоятельно определять точку зрения на себя. Образ германской культуры в ландшафте России определялся, прежде всего, «немецкостью» этих топосов, вне зависимости от внешней оценки. Иными

словами, ценность этих топосов определялась ими самими, а также их непосредственными «соседями». Соответственно, подобное «самоуправство» было неприемлемо для тоталитарной власти. Тем самым, насильственные перемещения народов в сталинскую эпоху (в частности поволжских немцев), были продиктованы не только насущными потребностями строительства коммунизма, но и необходимостью подавления осознания народами собственной ценности, при наличии которой ничто внешнее ни народу вообще, ни индивиду в частности не нужно, потому что ландшафт уже содержит в себе значимые объекты этой культуры, которые, в некотором смысле, «прорастают» из культурного пространства в пространство истории. Однако в контексте мифологии тоталитаризма, где власть занимает центральное место в мироздании, где значимость определяется не внутренними свойствами самой культуры, а «назначается» путем вмешательства в ландшафт, культура, пространство и история могут не иметь вообще никакой связи, но «подгоняться» друг к другу действиями властных структур. Воспринимая ландшафт как поле деятельности, власть проектирует пространство потенциального распространения самой себя. Властные структуры изымают из культуры значимые объекты, прочно связывая их с собой, а также создают новые, не имеющие прямого отношения к ландшафту (и поэтому искусственные) топосы, навязывая населению действия ритуального характера, которые насыщают сакральным смыслом эти чужеродные образы. Раскрывая/создавая пограничье, власть вступает в диалог с Другим, которой в контексте государственной мифологии является выражением внешнего Хаоса, непостижимого и неспособного к коммуникации. Таким образом, пограничье становится пространством межкультурной коммуникации, где каждый участник диалога, вступает в него посредством конструирования определенного образа, который, очевидно, в условиях враждующих тоталитарных государств, каковыми стали Россия и Германия в середине XX века, отторгается другим участником. В контексте мифа, выстраиваемого тоталитарной властью, любой чужеродный объект,

нарушивший границу должен быть подавлен, тем не менее именно столкновение с чужеродным, в своем пространстве или на фронтире подпитывает мифологемы. Без абсолютного Зла, образы которого проникают в ландшафт, в процессе коммуникации, эмоциональное переживание, конституирующее миф, невозможно. Таким образом, пограничье для тоталитарных государств, это не просто желанное приобретение, но и одно из условий его существования. Выходя за пределы собственного пространства образы власти вступают в конфликт в пограничье, который позволяет «достраивать» властный проект, двигая его телеологические устремления дальше и дальше, давая, тем самым, жизнь выстроенной тоталитарным государством искусственной структуре, паразитирующей на ландшафте и людях, его населяющих.

2. КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ ЕВРОПЫ В ЭПОХУ МИРОВЫХ ВОЙН

2.1 Географические образы в политической риторике Германии

Развитие немецкой культуры на протяжении истории во многом определялось культурно-политической экспансией немецкого народа. Её ареал включает в себя как существующие до сих пор отдельные немецкоговорящие народности в странах Восточной Европы (силезцы, трансильванские саксы), так и завоевания германских королей в новоевропейскую эпоху. Связь немецкой культуры с пространством ее распространения выражалась в образе *Weltpolitik* (мировой политики), официальной внешнеполитической позиции германского правительства в начале XX века.

Пафос «завоевания» и «расширения» неизбежно приводил Германию к столкновению с Великими державами и, в особенности, с Россией, которая носила в своем ландшафте топоры германской культуры и в которую упиралась граница Рейха. Идея создания «Срединной Европы», занимавшая умы германских правителей еще со времен Пруссии, была по словам немецкого интеллектуала Альфонса Паке единственным способом вырваться из «анархического, разорительного и развращающего состояния», в котором пребывал цивилизованный мир на протяжении XIX века¹⁸. В данном случае перевод термина *Mitteleuropa*, который обычно обозначает исключительно географическое положение «Центральной Европы», справедлив именно в таком виде, поскольку экспансионистские планы Германии простирались далеко за пределы центральной части Старого Света, определяя ей место «сердца» грядущей мировой империи. Унаследованный от Пруссии тотальный бюрократический порядок, таким образом, должен был стать порядком космическим, в противовес «варварскому» Востоку и

¹⁸См. Кёнен Г. Между страхом и восхищением. "Российский комплекс" в сознании немцев. 1900-1945. М.: РОССПЭН, 2010. С. 34.

«упадническому» западу. Однако в случае формирования образа врага, пангерманизм Рейха мало чем отличался от панславизма Российской империи или либерализма западных держав. К началу мировой войны образ врага в риторике каждого государства-участника имел схожие черты: «тирания», «захватчики», «тюрьма народов». Подобное, как было указано выше, вполне типично для ситуации войны. Тем не менее, массовый характер новой войны, а также беспрецедентное применение технических средств уничтожения (удачно охарактеризованное Эрнстом Юнгером как “торжество механической смерти”), вывело на передний план новую точку зрения на ландшафт, а именно – взгляд отдельно взятого участника, «единичного человека»¹⁹. Формирование образа пространства в Германской империи, несмотря на огромный авторитет властных структур, осуществлялось «снизу». Ввиду большого количества образованных людей (в том числе и на фронте) этот образ определенно выходил за рамки традиционного деления «свой» – «чужой»²⁰. Идеи немецких романтиков о «пранароде», который включает в себя истоки и смысл всех прочих народов и которым с необходимостью являются немцы составляли, вместе с критическим восприятием действительности начала XX, мировоззрение молодых немцев, которое в последствии ляжет в основу так называемых «идей 1914»²¹. В контексте универсалистского мифа следует рассматривать также существовавшую на Восточном фронте «страну Обер Ост». Данное территориальное образование, которое в реальности было ничем иным как оккупационной администрацией на захваченных землях Российской империи, стало одним из первых проектов германского государства по «преобразованию» европейского ландшафта. Тандем немецкого индустриального «супер государства» и обширных плодородных земель «Востока» должен был преумножить и без того

¹⁹ См. Юнгер, Эрнст Рабочий. Господство и гештальт. СПб.: Наука, 2000. С. 175-176.

²⁰ См. Пленков О.Ю. Триумф мифа над разумом (немецкая история и катастрофа 1933 года). СПб.: Издательство "Владимир Даль", 2011. С. 297.

²¹ См. Михайлов А.В. Об универсализме в русской и немецкой культурах // Славяно-германские исследования. М.: Индрик, 2000. С. 400.

огромную экономическую мощь Рейха, а идея о переустройстве культурного ландшафта приобретенной территории «по немецкому образцу» служила цели сделать “своим” чужеродное немцам пространство Восточной Европы²². Однако в отличие от существовавших в годы Второй мировой войны идей о «завоевании жизненного пространства на Востоке», властные структуры Германской империи использовали цивилизаторскую риторику в основном в контексте германского же мировоззрения, которое сочетало в причудливой форме образы средневекового *Ostsiedlung* (Расселение на Восток), идеи о всесильности государства и протестантскую трудовую этику²³. Столкновения с Россией на пограничье, таким образом, можно рассматривать не как что-то «внешнее» по отношению к самой Германии, но как реализация некой «внутренней сущности» немецкого народа и олицетворявшего его государства²⁴. В том образе пространства, который создавали властные структуры Рейха, русско-германского пограничья в собственном смысле как бы не существовало; имелись лишь границы «Срединной Европы», за которыми находится неизвестные и неосвоенные просторы Российской империи²⁵. Достижение этих границ, а также расширение влияния германской культуры за их пределы виделось немцам логичным развитием исторического процесса, который вел немецкий народ от союза племен через утверждения германской государственности в лице Рейха, к полному осуществлению «немецкой идеи», а именно слияния цивилизованного человечества в единую наднациональную общность²⁶. Однако исторический процесс оказался жесток к романтическим идеалам немецкой интеллигенции.

²²См. *Баринов И.И.* Феномен «Ост» в политической философии национал-социализма // Петербургский исторический журнал. 2016. №2. С. 86-87

²³См. *Пленков О.Ю.* Триумф мифа над разумом. С. 57-63.

²⁴См. *Баринов И.И.* Феномен «Ост» в политической философии национал-социализма. С. 85-86

²⁵См. *Кёнен Г.* Между страхом и восхищением. "Российский комплекс" в сознании немцев. 1900-1945. С.73

²⁶«Так немцы хотели бы завоевать весь мир, но не для себя, а для человечества; не для того, чтобы получить что-нибудь для себя, но чтобы принести себя в дар человечеству» *Наторп, Пауль.* цит. *Кёнен Г.* Между страхом и восхищением. "Российский комплекс" в сознании немцев. 1900-1945.С. 53

Масштаб военных действий и огромное количество жертв, сумасшествие и антисанитария в траншеях разрушили «рыцарский» образ войны, ожесточив участников, вынуждая принимать за чистую монету творчество пропагандистов. Тем не менее, триумф «механического» пробудил к жизни новый образ ландшафта – испещренный траншеями и заграждениями из колючей проволоки, которые, хоть могли четко отделить «свое» от «чужого», в большей степени объединяли обитателей окопов в единое «сообщество». Вместе с революцией в России и созданием новых национальных государств это заставило властные структуры обоих государств «увидеть» фронт, а поток населяющих его «чужаков» хлынуть из зоны боевых действий в города и деревни. Представляющие, по мнению многих мыслителей того времени, «нового человека», обитатели пограничья, как правило, находились под влиянием различных мифологем, каждая из которых содержала определенный мифологический образ мироустройства, который должен быть воплощен в жизнь²⁷.

Образ пограничья, созданный нацистской пропагандой носил уже абсолютно другой характер, нежели колонизаторские планы Кайзеровской Германии. Вместо того, чтобы стать органичной частью империи, восточноевропейский фронт должен был служить базой для наступательных действий на Восток²⁸. Отныне цивилизаторская миссия Германии подавалась официальной пропагандой не как «упорядочивание» чересполосицы народов, обитавших на русско-германском пограничье, но как проявление расового превосходства немцев, которые, тем не менее, реализовывали через завоевание и покорение «отсталых» и «вырождающихся» народов ту же историческую задачу, которую принимали на себя немецкие интеллектуалы в траншеях Великой войны. Однако смута

²⁷«Разумеется, новый мировой порядок как следствие мирового господства не является подарком неба или порождением утопического разума, но создается в рабочем ритме череды мировых и гражданских войн. Небывалый рост вооружения, наблюдаемый во всех пространствах и во всех областях жизни, свидетельствует о намерении человека выполнить эту работу.» *Юнгер, Эрнст* Рабочий. Господство и гештальт. С. 152

²⁸ См. *Баринев И.И.* Феномен «Ост» в политической философии национал-социализма. С. 87

Веймарской республики извратила до неузнаваемости «идеи 1914», о которых было сказано выше. Изначальный смысл рассуждений об «особом пути» Германии и о воодушевлении немецкого народа войной, затерялся среди нацистской риторики. Объединение народов Европы в наднациональный «Третий рейх» (здесь стоит внести ремарку о том, что концепция «Третьего царства» не являлась собственно немецким изобретением, но имела долгую историю в контексте христианской веры, как тысячелетнее царство Святого Духа) была заменено порабощением, а стремление к обретению Германией «почвы» превратилось в желание «тотальной войны», в которой все предшествующие образы пространства будут заменены «народным телом», выстроенным согласно видению фюрера²⁹. Таким образом, ландшафт Восточной Европы в архитектонике национал-социализма представал как материал для дальнейшей переработки, лишь один из многих разбросанных в пространстве Старого Света. Однако «жизненное пространство на Востоке», в отличие от западноевропейских приобретений, которые были ограничены побережьем Ла-Манша, не имело естественных пределов. Интенсивный характер наступления немецкой армии на СССР проявлялся в ландшафте как «вооруженная граница», постоянно продвигавшаяся вперед и подминавшая под себя бескрайние пространства, которые, тем не менее, не имели конца³⁰. Так, вызывавший воодушевление концепт «Срединной Европы», в которой Германия должна была составить «ядро», собирающее вокруг себя цивилизованные и подлежащие цивилизации народы, в трактовке идеологов нацизма стал вызывать недовольство у самих солдат Рейха. Германская армия «завязла» на востоке, выкачивая ресурсы для завоевания «жизненного пространства» из пространства собственно жизни немецкого народа, а перелом в войне, склонивший чашу весов на сторону Советского Союза, и последующее проникновение уже советских войск на немецкие земли пошатнула веру в нацистский миф. Упадок народного воодушевления,

²⁹ См. Пленков О.Ю. Триумф мифа над разумом. С. 562-564.

³⁰ См. Баринев И.И. Феномен «Ост» в политической философии национал-социализма. С. 91

питавший мифологемы, в очередной раз принес новую точку зрения на ландшафт. Перестав ощущать себя коллективным «сверхчеловеком», которого стремились создать властные структуры, немцы обнаружили себя посреди руин.

Миф «крови и почвы», лежавший в основе нацистской идеологии, содержал в себе два основных элемента. Во-первых, расизм и антисемитизм, а также антибольшевизм, обусловленный теми же расовыми принципами. Идея о врожденном превосходстве немецкого народа является крайней точкой в развитии «идей 1914», в которой «особый немецкий путь» становится экзистенциальным принципом каждого немца, составляющего «народную общность». Холистический принцип, согласно которому германцы представляли собой то единство, к которому стремилось человечество, был также подчеркнут из консервативных идей межвоенного периода. Однако в отличие от, например, Эрнста Юнгера, который понимал грядущее единство как гештальт «нового человека», нацистские идеологи видели в немцах уже «оформленных» носителей мифа, чье право на него обусловлено изначально заданными биологическими характеристиками³¹. При этом, миф понимался прежде всего, как «изначальный язык человечества», которым только и может быть выражено то мировоззрение (*Weltanschauung*), которое должно было быть воплощено в «почве», откуда, собственно, и черпается внутреннее содержание мифа³². Таким образом, в контексте нацистской мифологии пространство не требовало «освоения», поскольку каждый немец связан с кровными узами с каждым участком земли, на который когда-либо ступала или должна была ступить его нога (в мифологическом дискурсе это понимает под собой весь мир). Наличие же «чужаков» на предназначенной немцам земле и нахождение их следов в ландшафте было прежде всего помехой для реализации смысла существования Рейха. Этим обуславливалась «тотальная

³¹ См. Пленков О.Ю. Триумф мифа над разумом. С. 521.

³² См. Лаку-Лабарт Ф., Нанси Ж.-Л. Нацистский миф (Перевод Фокин С.Л.). // Нацистский миф. Санкт-Петербург: Издательство «Владимир Даль», 2002. С 32-33

мобилизация» немецкого народа, состояние перманентного напряжения сил для борьбы с врагом, а также чистки и репрессии внутри самой Германии. Можно сказать, что мобилизации подлежало и само пространство, поскольку властные структуры Третьего рейха стремились не просто внедрить в ландшафт символы своего влияния, создавая топоры своего непреходящего присутствия, но реализовать мифологическое содержание судьбы германской земли и немецкой крови во всей его динамике.

2.2 Ландшафт на службе идеологии СССР

Рассматривая культурный ландшафт советского государства, Владимир Каганский назвал его «произведением неведомого искусства»³³. Стремление большевиков деконструировать образы культуры, главенствовавшие в Российской империи, породило масштабные проекты по переустройству подконтрольного им пространства, которые вторя восхищению, испытываемому поэтами и художниками, подчеркивали пафос «завоевания», который окутывал события Октября вплоть до конца советской эпохи. В книге журналиста Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир», освещающей события Октябрьской революции, описывается сцена, в которой старик-рабочий, бывший водителем автора, указывал на панораму города кричал: «Мой! Теперь весь мой Петроград!»³⁴. Это наивное выражение эмоций весьма красноречиво демонстрирует то, как воспринимали город сами революционеры. Доставшийся им в руки Петроград был не просто захваченной территорией, но был символическим «огнем», похищенным у «богов». Однако главным призом революции был не Петроград. Планы большевиков простирались далеко за пределы бывшей Российской империи. Подобно Германии в 1914, диктатура пролетариата во время интервенции союзников по сути вела борьбу против всего мира, включая собственно

³³ См. *Каганский В.Л.* Советское пространство // Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 150

³⁴ См. *Рид, Джон.* 10 дней, которые потрясли мир. С предисловиями В. И. Ленина и Н. К. Крупской. — М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1957. С. 201

Россию. Более того, в определенный момент Германия и Советская Россия, несмотря на Брест-Литовский мир, начали близиться навстречу друг другу. Такое положение порождало среди западных политиков различные инсинуации о том, что как большевики стремятся использовать разбросанные на русско-германском пограничье войска Рейхсвера, так и немцы хотят получить российские ресурсы для того чтобы «отыграться»³⁵. Так или иначе, на русско-германском пограничье периода Гражданской войны происходило столкновение двух схожих, но разнонаправленных проектов по конструированию нового образа Восточной Европы; наступавшие с Запада германские войска реализовывали идеи «страны Обер Ост», устанавливая марионеточные режимы в Прибалтике и на бывших территориях западных губерний Российской империи, в то время как Красная армия несла на своих штыках революцию в Европу (в частности в саму Германию, которая обладала сакральным статусом для большевиков как родина Маркса). Впоследствии новый образ пограничья был создан державами Антанты по результатам Версальского договора, и несмотря на то, что он оказался разделен между новообразованными государствами, фронтир трансформировался в «санитарный кордон» между Советской Россией и Веймарской Германией, оставаясь при этом вожделенной добычей для них обеих.

Приход к власти Сталина и установление «культы личности» привели к интенсификации государственного мифотворчества. Несмотря на то, что большевистская партия была по отношению к русскому ландшафту внешней структурой, изначальное «покорение» пространства носило горизонтальный характер³⁶. Таким образом, присутствие коммунистов на пограничье и их взаимодействие с германскими фрайкорами и вооруженными формированиями государств Восточной Европы не воспринималось как деятельность «агентов влияния» какой-либо державы (как в период

³⁵ См. *Кёнен Г.* Между страхом и восхищением. "Российский комплекс" в сознании немцев. С. 272-274

³⁶ См. *Паперный, Владимир* Культура Два. 3-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 72-74.

существования Коминтерна, чья аффилированность к властным структурам СССР не являлась ни для кого тайной). Положение Ленина как лидера революции несомненно наделяло его особыми статусом, однако в период Гражданской войны и раннего советского государства он был лишь первым среди равных. Только с началом сталинской эпохи и сопутствующих ей партийных чисток, образ «первого вождя» стал наделяться сакральными смыслами. Новая власть «внедряла» образ Ленина в ландшафт. В случае Мавзолея это выстраивание новой мифологии проявилось как буквальное помещение тела Ленина в обитаемое пространство жителей России, превратив его в топос, определив в функции сакрального топоса как истока творимой мифологемы. Присутствие мест, наделенных мифологическим содержанием позволило большевикам говорить и апеллировать к некоторой «традиции», которая превратила неоднозначный, в высшей степени гетеротопический образ революционной России в упорядоченный Космос, в котором не было «войны всех против всех», а была революционная борьба, естественная и желанная пролетариатом, результатом которой будет новый мир и новый человек; буквально: новое летоисчисление (новый стиль дат в календаре) осуществляло подмену христианской мифологии мифологией советской. Соответственно, различные силы, противостоявшие Советам были наделены статусом Чужака, поскольку он не имеет доступа к «традиции», к сакральному центру и поэтому вытесняется во фронтир.

Наличие единого властного центра требовало, помимо выстраивания собственно партийной иерархии, также и структурирования подчиненного пространства. Центр, помещавшийся «вне» ландшафта, необходимо было связать с «растекшейся» по нему народной массой, которая и представляла собой основу и смысл существования советского государства на тот момент. Таким образом, внедрение идеи о «построении социализма в отдельно взятой стране» и связанное с этим появление почвеннических мотивов в культуре, таких как: образы Отца народов и Родины-матери, исторические личности, имеющие связь с «народным духом», почвой (таковы, например, образы

Суворова, Кутузова как образы русских «богатырей»), народные сказки – все это позволяло артикулировать общество в некоторое новое единство, менее однородное и, тем самым, легче поддающееся контролю, поскольку из предполагаемого единства «рабочих и крестьян» начала выделяться иерархическая система³⁷. В отличие от Третьего рейха, где апелляция к прошлому была одним из столпов идеологии, интерес к традиции в Сталинской России носил полностью утилитарный характер. Используемая в связке с новообразованными мифологемами (стахановцы, папанинцы), традиционная культура позволяла выстраивать микроиерархии, разделяя единую народную массу на ряд отдельно управляемых объектов («ячеек», по выражению Владимира Каганского)³⁸. Каждой из ячеек транслировались избранные властью образы, которые укоренялись в ландшафте «снизу», поскольку каждая ячейка была отделена от другой, но при этом их иерархия венчалась один и тем же – партией и товарищем Сталиным. Отсутствие, а вернее тщательное сокрытие властями «альтернативного» пространства, замыкало советский ландшафт на самом себе. Тем самым, можно сравнить культурное пространство СССР довоенной и военной эпохи с сакральным текстом. В контексте религиозного сознания, граница проходила прежде всего между сакральным и профанным, причем профанное, ввиду утилитарного характера культуры и, соответственно, ландшафта советского государства, обладало характеристикой «бесполезного».

В то время как идеология нацистской Германии выводила принцип тотальной мобилизации из традиций кайзеровской Германии и «идей 1914», в СССР положение постоянного напряжения и боеготовности обосновывалась принципом целесообразности, на что указывают используемые в пропаганде мотивы «осадного положения», в котором находилось советское государство, а также частым проведением партийных чисток и террора среди населения. Таким образом, можно сказать, что состояние «чужака» в нацистском

³⁷ См. *Фирсов Б.М.* Историческая динамика развития советской и постсоветской культур. С. 72

³⁸ См. *Каганский В.Л.* Советское пространство. С. 148

государстве было задано «генетически», как расовый принцип, несмотря на то, что также и личный выбор человека, такой как отказ сотрудничать с нацистами, приводил к исключению из «коллективного тела» Германии. В то же время, несмотря на существование похожего разделения, определявшего положение человека в стране, основанного на классовом принципе, в Советской России «чужаком» мог быть «назначен» любой, чье присутствие в «официальном» пространстве или даже физическое существование было нежелательным, не имеющим применения для властных структур. Террор против населения СССР был, тем самым, одним из способов функционирования существовавшей иерархической структуры советского общества. Следуя параллели с религиозной системой, можно сказать что исправительная система советского государства играла роль «воздушных мытарств», переживаемых узниками лагерей, которые должны были «очиститься». Таким образом, парадоксальная ситуация, когда заключенные часто сами «каялись» в якобы совершенных ими преступлениях и даже поддерживали террор, обретает смысл при рассмотрении ее с позиции власти. Экспансия Советской власти на внешние и пограничные территории подавалось в официальной пропаганде как «спасение» (см. договоры о взаимопомощи между СССР и странами Прибалтики). Однако, образ врага, который угрожал мировому пролетариату, не имел до определенного момента своей оформленности. Признаки «мирового империализма» в определенной степени разделяли все государства мира, и, в связи с этим, в официальной риторике звание «врага» носила те державы, против которых было целесообразно мобилизовать население в определенный момент. Эти признаки имели в своем основании «старый» революционный пафос борьбы рабочего класса с буржуазией, что не вполне соответствовало масштабу выстроенной в Советском Союзе государственной мифологии.

Вторая мировая война стала для советской идеологии системообразующим событием. Мобилизация населения достигла своего логического завершения, превратившись из идеологического мероприятия в

настоящее восстание народных масс. Именно в ситуации военных действий советская властная риторика проявила себя наиболее, в том смысле, что такие составляющие советского мифа как жертвенность и всеобщность идеально вписывалась в реалии войны³⁹. Соответственно, несмотря на то, что для обычного человека подобная точка зрения может показаться непонятной или даже неприемлемой, следуя логике властных структур можно говорить об «уместности» трагедии Великой Отечественной войны. Мифологическая структура, создаваемая советской властью рассматривала историю как повествование. Само название войны, принятое в отечественной историографии указывает на некую последовательность («Великая» как превосходящая все предыдущие войны, которые, в свою очередь, вели к ней). Трудно переоценить влияния образа войны на идеологию, учитывая то, какое место она позднее заняла в «пантеоне» советских мифов и то, какое место она занимает во властной риторике и по сей день. Война была «Армагеддоном» советского государства, финальной схваткой добра со злом, после которой история должна закончиться. Тем самым, разгром Германии стал началом «тысячелетнего царства», а последовавшее расширение сферы влияния СССР - обретением «обетованной земли».

Столкновение двух масштабных проектов по изменению обитаемого пространства выявило ряд общих черт (вплоть до полного совпадения некоторых художественных образов и риторических фигур), однако в основе их лежали разные представления о том, для чего и каким образом власть сообщается с ландшафтом. Мифология Третьего рейха имела в своей основе биологический принцип: немецкий народ и культура должны были «прорасти» из очищенной от человеческих «сорняков» земли. Право на подобные действия давало понимание «немецкости» как человечности вообще; универсализм, который изначально следовал лучшим устремлениям,

³⁹ См. Соколов Е.Г. Имитация истории и риторические фигуры советской мифологии // Альманах «Метафизические исследования», Метафизические исследования: История. , Выпуск 2: Издательство СПбГТУ, 1997. С.153.

превратился в оправдание для насилия⁴⁰. Советское государство, в свою очередь, понимало свое существование сообразно марксистским идеям как результат разворачивающегося в истории Откровения. Окончательное воплощение апокалиптических и хилиастических идей требовало наибольшего их распространения и наибольшей их укорененности в умах людей, в жизненном мире.

⁴⁰ См. *Пленков О.Ю.* Триумф мифа над разумом. С. 385-386.

3. ОБРАЗЫ ПОГРАНИЧЬЯ В ЭПОХУ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

3.1 Роль ландшафта в послевоенном устройстве мира

Геополитическое устройство Европы, установившееся по окончании Второй Мировой войны, характеризовалось, прежде всего, разделом обширного пространства германского Рейха и его сателлитов между союзниками. В то же время, мифология, созданная для поддержания тоталитарного режима нацистской Германии, подавлялась процессами денацификации. Их место, в различных частях, Европы заняли мифы коммунизма и западной демократии. СССР под властью Сталина, будучи одним из победителей в войне, являл собой чистый образ триумфатора. Несмотря на колоссальные потери и разрушения, Советский Союз распространил свою власть на территорию Восточной Европы и, в том числе, на часть непосредственно Германии. Тем самым, обозначился поворот на 180 градусов в восприятии немецкого и советского ландшафтов. Характерные для советского ландшафта, иерархичность и тотальность распространились на Восточную Европу, и, если такие страны как Польша и Чехословакия, которые уже около десятилетия находились под властью колониальной администрации, оказались в другой сфере влияния, то появление советской зоны оккупации Германии, а в последствии и ГДР, стало событием принципиально новым для Германии Новейшего времени. То, как проявляла себя советская власть в Восточной Германии нельзя назвать повторением эпохи Версаля. Подобным образом можно охарактеризовать политику западных держав в отношении ФРГ раннего периода, в то время как на Востоке советское правительство стремилось предстать в глазах немецкого народа как освободитель от диктатуры и, тем самым утвердить право своих ставленников на власть.

В самом СССР в этот период начинается активное «собрание земель» в так называемый «социалистический лагерь», в который помимо бывших территорий Рейха и его сателлитов изначально входили также Китай, Югославия, Албания. Тем временем, упоение победой и освобождением страны от захватчиков сменилось новой волной террора, поскольку население, уставшее от войны, начало больше заботиться о собственной повседневной жизни, что не устраивало советское правительство, стремившееся к сохранению «боевого духа» населения, поскольку в контексте советской мифологии война не должна была закончиться на взятии Берлина⁴¹. Мифы революции были окончательно вытеснены имперским мифом, основными составляющими которого были образ Победы и образ «вождя». Именно образ Сталина служил медиатором, обеспечивавшим плавный переход к социализму на территории будущей Германской Демократической Республики. Однако в отличие от СССР, где Победа и Сталин являли собой единый мифологический комплекс, в ГДР этот образ вождя представал, прежде всего, как образ «миротворца»; социалистический строй в Восточной Германии обещал не новые завоевания, а лучшую жизнь и восстановление разрушенного, о чем рассказывает, в частности, государственный гимн ГДР «Aufgestanden aus Ruinen» (Восставшие из руин)⁴². Культура сталинской эпохи, называемая «большим стилем», несомненно была всего культурой имперской, культурой торжественного и монументального. «Выставочный» характер советского ландшафта получил после войны новое воплощение⁴³. Перед властными структурами СССР стояла задача не только восстановить разрушенное в ходе войны, но и обозначить себя как победителя. Этой цели следовали ритуальные мероприятия во время Парада Победы (низложение знамен, Жуков на коне), а

⁴¹ См. *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953. М.: РОССПЭН, 1999. С. 46-47.

⁴² См. *Тихомиров А.А.* "Лучший друг немецкого народа". Культ Сталина в Восточной Германии (1945-1961). М.: РОССПЭН, 2014. С. 7-8

⁴³ См. *Лебина Н.Б.* Повседневность эпохи космоса и кукурузы: Деструкция большого стиля: Ленинград, 1950-1960-е годы. СПб.: Победа, 2015. С. 16.

также возведение в Берлине мемориальных комплексов Красной Армии, в частности первого монумента, в числе знаменитой скульптурной композиции-триптиха за авторством Е.В. Вучетича («Воин-освободитель», «Родина-мать зовёт» и «Тыл – фронту») (что примечательно, такой комплекс сохранился до сих пор также и в центре Вены). Характерно и то, что все три части композиции были воздвигнуты с промежутком больше десяти лет и, тем самым, их строительство охватило все основные эпохи существования советского государства. Это наглядно иллюстрирует то пролонгированное существование государственного мифа СССР, нашедшего свою основу в событиях Второй Мировой войны, которое обеспечивало властным структурам легитимацию их существования и подтверждение правильности выбранного ими политического курса, вне зависимости от того, насколько он менялся под влиянием исторических обстоятельств.

В немецкой традиции изучения ГДР, само государство часто называют «государство СЕПГ» (SED-Staat), то есть государством Социалистической Единой Партии Германии⁴⁴. Это связано с тем, что, зачастую в немецкой академической традиции Восточная Германия воспринимается как пространство, не имеющее общества, т.е. где социум заменяется институтами власти⁴⁵. Однако исследователями указывается, тем не менее, наличие определенного образа мыслей у населения, который не зависит от государственной идеологии. Вернее, будет сказать, что, несмотря на индоктринацию средствами государственной пропаганды и физическое принуждение со стороны властных структур, население стремилось прежде всего решать собственные повседневные проблемы, не отзываясь на требования «тотальной мобилизации» – т.н. «своеволие» (Eigensinn)⁴⁶. Этим можно провести различие между тоталитарными режимами Сталинского

⁴⁴ См. *Lindenberger, Thomas Die Diktatur der Grenzen. Zur Einleitung // Lindenberger, Thomas [Hrsg.], Herrschaft und Eigen-Sinn in der Diktatur. Köln: Böhlau, 1999. S. 16.*

⁴⁵Ibid. S. 13-15

⁴⁶Ibid. S. 23-24.

СССР и нацистской Германии и последующими СССР времен «оттепели» и ГДР времен Берлинской стены. В период 30-40 годов, имперский характер власти этих двух государств требовал почти религиозного подчинения, опираясь на визуальные средства выражения своего величия, что было запечатлено во внешнем виде обитаемых пространств и в искусстве, в то время как хрущевская идеология основывалась на невидимых глазу социальных практиках, которые пронизывали повседневную жизнь. Десталинизация, проводившаяся советским правительством в 50-60 годах, не несла в себе оттенка «борьбы с прошлым» или «исправления ошибок», как это было при денацификации в Западной Германии, но была лишь способом «переделать» пространство государственной мифологии, в котором безраздельно господствовал образ И.В. Сталина и, соответственно, любая другая властная структура имела бы в ней вторичный и подчиненный характер. Можно сказать, что идеология СССР времен «оттепели» характеризуется заменой непосредственного переживания мифа посредством ритуалов формальным воспроизведением обычая, поскольку сакральная фигура «вождя народов», венчавшая советскую мифологию и связывавшая ее воедино, не просто отошла на задний план, но была полностью деконструирована самими мифотворцами. Развенчание «культа личности», подававшееся населению как возвращение к ленинскому курсу, не обещало никаких широких социальных реформ, однако уже одно лишь освобождение частной жизни граждан от присутствия государства позволяло рассматривать пространство советского государства в ином масштабе. Мифологические конструкции, обеспечивавшие существование подобной власти, через постоянное присутствие и самовоспроизведение, в культуре «оттепели» трансформировались в некие «жизненные устои», которые, несмотря на укорененность в традиции, носят характер предписаний, а не заповедей⁴⁷. Так, в отличие от колоссальных строек 30-х годов, которым сопутствовала вызывающая к общенародному напряжению сил героическая патетика, как

⁴⁷См. Соколов Е.Г. Имитация истории и риторические фигуры советской мифологии. С.153.

нечто масштабное и объединяющее, поездки «на целину» несли в себе романтическую ауру и дух авантюризма, которые имели больше общего с личными переживаниями и приключениями, что подтверждает большое количество добровольцев из числа молодежи. С появлением нового актора – городского жителя среднего класса – отношение власти к культурному ландшафту советского государства в 60е годы перешло от «завоевания» и «построения» к «освоению», поскольку именно «мещанин» хуже поддается мобилизации, при этом обладая способностью к формированию собственного образа пространства, культуры в широком смысле слова, он был идеальным союзником для очищения государственной мифологии от присутствия Сталина. Научно-технический прогресс и широкое применение открытий в бытовой сфере позволили разграничить «земщину» и «опричнину» в СССР, дав населению «на откуп» некоторую часть потребительских благ. Так, например, борьба со сталинской архитектурой, и массовая застройка новыми жилыми домами с отдельными квартирами воспринималась как некоторая «демократизация». Население получало возможность отделить интимное от общественного и, тем самым, частично, скрыться от наблюдения и контроля со стороны властных структур⁴⁸. Однако власть никуда не исчезла; контроль и наблюдение перешли от состояния внешнего принуждения путем террора к управлению сознанием людей «изнутри», пребывая в повседневности как практика жизненного уклада.

3.2 Роль пространства в социалистической повседневности

Рассматривая пространство в контексте исследования культурного ландшафта, стоит отметить, что в данном случае пространство не является физической или географической единицей, но содержит в себе физические и географические характеристики. Пространство для ландшафта, это не понятие меры или объема. Культурный ландшафт включает в себя пространство, и поэтому будет закономерным рассматривать отдельные

⁴⁸ См. *Лебина Н.Б.* Повседневность эпохи космоса и кукурузы: Деструкция большого стиля: Ленинград, 1950-1960-е годы. С 68.

явления в ландшафте, такие как межкультурная коммуникация, именно как некоторые пространства. Следовательно, имеет смысл также и частичное уподобление этих двух понятий друг другу, по тому принципу, как часть уподобляется целому по ряду признаков.

Пространство распространения власти в контексте коммунистических режимов укладывается в схему административно-территориального деления⁴⁹. Сама структура управления регионами отсылает к колониальной схеме, в которой метрополия отделена от своих сателлитов не только физически, но и законодательно. Так, например, в СССР метрополией являлась Москва, властной структурой которой являлась Коммунистическая Партия Советского Союза, в то время как республиканские партии управляли периферией, будучи формально отдельными структурами, которые могли в определенных условиях лоббировать в Центре выгодные для себя решения. Разница между центральной и республиканской властью состояла в особом, практически сакральном, статусе последней. Несмотря на то, что КПСС и первоначальная партия большевиков являются абсолютно разными организациями как по назначению, так и по образу действий, преемственность в символике обеспечивала связь революционного романтического мифа и полумещанской повседневности послевоенного СССР. Несмотря на отход от практик тоталитаризма, жизненное пространство советского человека оставалось наполненным различными символами, отсылавшими к «славному прошлому». Власть, проникая в поле социальных взаимодействий населения, внедряла советские образы в культурную память, а «закрепление» в ландшафте (в том числе и в повседневном: названия улиц, памятники, наименования товаров) легитимировало создаваемый, таким образом, миф. Этот же самый миф довлел и над странами Варшавского договора, которые по своему статусу являлись доминионами советской империи. Москва не стремилась к непосредственному контролю над жизнью людей Восточной Европы, но

⁴⁹ См. *Каганский В.Л.* Советское пространство. С. 145

посредством вливания средств в экономику и в поддержание идеологии осуществляла «освоение» подконтрольного ей пространства. Таким образом советская власть представляла в странах соцлагеря в основном как «внешняя» структура, имеющая больше общего с мифологическим Хаосом. Несмотря на то, что в повседневности солдат Западной группы войск Советской армии называли не иначе как «русские» (также как и на условном «Западе», советская власть ассоциировалась прежде всего с русским народом), «трансцендентность» источника их приказов, так же как и искусственность заявленной «суверенности» государств ОВД была очевидна. В отличие от колониализма в классическом понимании, советская экспансия преследовала другую цель. Находясь в идеологическом противостоянии с условным «Западом», Советский союз нуждался в пространстве, которое могло бы быть одновременно и буфером между ним и капстранами, а также служить «витриной» в которой могли бы «выставляться» достижения социалистического строя⁵⁰. Возведение Берлинской стены, физически отделившей Восток от Запада и появление самостоятельной «культуры ГДР» – это буквальное изображение этой идеи создания вооруженного фронта, территории единственное назначение которой, это находиться «меж двух огней».

Существование подобного фронта породило трехчастную схему восприятия пространства распространения власти СССР по отношению к миру вообще. В официальной риторике властных структур центральную роль играла метрополия. Решения съездов партии и прочие события, связанные с Центром, являются важнейшими, оттесняя на второй план деятельность местного уровня⁵¹. Однако вместе они составляют общий габитус советского государства. Экспансия составляет основной интерес властных структур, поэтому информация о поддержке в той или иной форме различных

⁵⁰ См. *Вершинин С.Е.* Образ ГДР в советском массовом сознании (к постановке проблемы) // Научный ежегодник института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2003. №4. С. 52.

⁵¹ См. *Каганский В.Л.* Советское пространство. С. 145

повстанческих движений марксистского толка или целых стран третьего мира, вставших на социалистический путь развития, проникает в идеологию сразу за очередным утверждением о главенствующей роли партии. Преемственность от революционных идей о «мировой революции» вынуждает советский ландшафт увеличивать себя за счет обретения колониальной власти. Правда, в отличие от мобилизованного на войну населения первой половины XX века, общество времен «развитого социализма» воспринимает героическую патетику революционного и военного прошлого опосредованно, поэтому такие понятия как «интернациональный долг» становятся символической связкой, позволяющей объединить участников так называемых прокси-войн (опосредованных войн) и героический миф Великой Отечественной войны в одно имплицитное целое. Так, в советском властном дискурсе возникает Другой, противостояние с которым пребывало во вневременной длительности и не требовало от населения активных действий (как в сталинскую эпоху), но лишь поддержку «линии партии». Империалистический Запад, заключал в себе и образ «мировой буржуазии» и побежденного Третьего рейха. При этом, Запад представлял абсолютно обезличенным, так как потенциальные союзники в борьбе мирового пролетариата с угнетением находились в любой стране, чем активно пользовался Советский Союз в своей экспансии. Страны так называемого «соцлагеря» являют собой третью форму демаркации мирового ландшафта. Согласно утверждению В. Л. Каганского об утилитарном назначении советского ландшафта, самодостаточные зоны решения определенных задач, ограниченные физическим препятствием (забором, стеной), были наиболее важными элементами пространства⁵². Подобные зоны, а именно военные объекты Западной группы войск Советской Армии, были главными символами колониальной власти в Восточной Европе. Однако они принадлежали не ее ландшафту, а советскому – искусственному и экстерриториальному, в поле экспансии которого находился весь мир.

⁵²См. Каганский В.Л. Советское пространство. С. 140

Главным маркером пространства Восточного блока стал воображаемый «железный занавес», который раскинулся, вопреки Фултонской речи Уинстона Черчилля не посреди Европы, но, по выражению Василия Розанова (который еще в 1917 году уловил тенденцию большевистских деятелей к декларативности и перформативности) между «театральным действием» и публикой⁵³.

В Германской Демократической республике среди прочих искусственно введенных на государственном уровне праздников отмечался также и день возведения Берлинской стены, которую, в духе коммунистической риторики, называли «антифашистским оборонительным валом» (Antifaschistischer Schutzwall). Из всех стран социалистического лагеря, именно в культурном ландшафте ГДР «граница» играла наиболее важную роль, поскольку она наглядно демонстрировала условность границ, устанавливаемых в контексте мифологии. Однако, по утверждению Томаса Линденбергера, «граница» ГДР пролежала не только и столько между двумя немецкими государствами, но существовала как властный принцип режима СЕПГ, выстраивавший иерархию дозволенного и недозволенного⁵⁴. Проникновение идеологических элементов, а также прямое вмешательство властных структур в частную сферу было в той или иной степени характерно для всех стран Восточного блока. Важными атрибутами ландшафта советского государства и его сателлитов были, помимо утилитарности, также и процессуальность, вечная длительность воплощения в мифологический образ коммунистической утопии, что соответствовало концепции исторического материализма. Укорененное в городах и «на земле» население было органичной частью «старого», «естественного» ландшафта европейских стран. Соответственно, структуры, обозначающие горожан и крестьян в пространстве, такие как неформальные объединения, церковные приходы или большие

⁵³ См. *Розанов В.В.* Собрание сочинений. Апокалипсис нашего времени/Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2000. С. 45.

⁵⁴ См. *Lindenberger, Thomas* Die Diktatur der Grenzen. Zur Einleitung. S. 31

патриархальные семьи, должны были быть заменены соответствующими, идеологически ангажированными организациями. Подобная практика была, как и многие другие методы работы с ландшафтом, унаследована от тоталитарных диктатур первой половины века. Во ряде случаев, формы и подходы работы с массами населения в Третьем Рейхе и Сталинской России практически дублировали друг друга. Однако, также, как и в случае мифологии, контроль над населением перешел от прямой, «армейской», субординации к непрямому воздействию. Линденбергер говорит о согласии между государством и населением, при котором «своеволие», которое люди проявляли в различных сферах повседневности и которое в эпоху Третьего рейха зачастую каралось, как посягательство на власть партии, становилось той самой «границей», которая очерчивала круг допустимых свобод человека (в первую очередь в бытовой сфере) и конституировала неограниченное господство властных структур в тех сферах, которые в этот круг не входили⁵⁵.

Помимо «витрины социализма» для западных стран, ГДР и другие члены социалистического лагеря зачастую являлись «витриной» и для советских граждан. Предполагаемое положение этих стран как «третье место» в контексте советского властного дискурса представляло их как «правильную за границу», в то время как западные страны, которые носили на себе образ враждебного Другого, играли роль хаотичного и недружелюбного к человеку пространства. В советской мифологии они занимали место злого и демонического; в государственной пропаганде по отношению к Западу использовались образы нарочито отталкивающие и гротескные, содержащие в себе нарративы смерти и рабства⁵⁶. Вместе с цензурой в прессе, скрывавшей крупные преступления и показной антивоенной риторикой, пропаганде удавалось создать образ СССР как мирного государства,

⁵⁵ См. Берендс Я.К. Физическое насилие: подход к истории и повседневности коммунистической диктатуры // Повседневная жизнь при социализме. Российские и немецкие подходы. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 26.

⁵⁶ «Американские звери, презрев законы джунглей, терзают и рвут на части детские тельца...» Латов В.С., цит. по Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде, 1945-1954. М.: РАН. Ин-т рос. истории в сотруд. с ун-том им. Меллена, 1999. С. 164.

отказавшегося от насилия, характерного для предыдущей эпохи. Самоограничение властных структур в их монополии на насилие позволило им укорениться в Восточной Европе⁵⁷. Однако практика изображения стран народной демократии как «правильной заграницы» возымела обратный эффект. Население СССР в целом понимало, что соцлагерь находится под контролем советской власти, и порядок вещей мало отличался от того, что было в метрополии. При этом, не ускользал от внимания уровень жизни на фронтире, который в лучшую сторону отличался от советского. «Освоение» колониальных владений происходило, во многом, за деньги советского правительства, а отсутствие необходимости в содержании огромной армии (хотя бы из-за малого размера стран ОВД), позволяло распределять больше средств для потребительских целей. Таким образом, нивелирование превосходства СССР над своими сателлитами в сфере, которая вышла на передний план в эпоху «оттепели», в особенности над ГДР, которая, несмотря на усилия пропаганды, имела в культурной памяти народа имплицитную связь с побежденным Третьим Рейхом, вызывало у населения чувства недовольства и недоверия к власти. Этим можно объяснить быстрый закат «оттепели»: в условиях частичной демократизации и деидеологизации низкий, по сравнению даже с социалистическими странами уровень жизни попирает мифологический образ, создаваемый пропагандой. Через эти лакуны в официальной идеологии просвечивала искусственность и чуждость культурного ландшафта СССР, что породило интерес населения к оппозиционным идеям. Подобное расценивалось властными структурами как прямая угроза их господству и вызывало ответную реакцию, в виде новой эскалации государственного насилия и новой волны идеологических мероприятий.

Период в истории СССР, наступивший после так называемой «оттепели» часто рассматривается как частичное возвращение к практикам

⁵⁷ См. Берендс Я.К. Физическое насилие: подход к истории и повседневности коммунистической диктатуры.

сталинизма. Однако с точки зрения государственного мифа, личность лидера страны уже не обладала таким влиянием, какое имела фигура Сталина. Определявшееся положением в иерархии восприятие пространства сместилось к «переживанию» его в контексте практик повседневности. Сверхзадача сталинской эпохи, ради которой и существовала описанная выше цепь разделённых ячеек (которые, тем не менее, имели общий знаменатель), позволяла четко сепарировать «свое» от «чужого» (хотя бы в контексте мифологии). Индивид либо участвовал в осуществлении сакральной цели, либо исключался из общего пространства. От подобного никто не мог быть застрахован – террор служил инструментом, плотно скреплявшим людей вместе, вне зависимости от положения в обществе. В случае более поздних эпох существования Советского союза, сверхзадача оказалась расплывлена среди многочисленных задач, имевших отношение к повседневному выживанию, а не к какой-либо священной задаче. Это выражалось также и в появлении новых социальных страт советского общества – своеобразного «среднего класса», а также различных представителей андерграундной культуры⁵⁸. Последние, впрочем, существовали в советском государстве и в сталинскую эпоху, однако многие из них (в особенности имеющим отношение к криминалу) всеми силами вытеснялись из основного пространства. Таким образом, система контроля над пространством попала в «ловушку» собственной структуры. Изначальная сверхзадача советского государства – распространение коммунизма по всему миру, требовала максимально возможного напряжения сил населения. В этом Сталинский СССР схож с Третьим рейхом, где тотальная мобилизация также была одним из столпов идеологии, на основе которого осуществлялась работа с пространством. Однако поражение в войне и последующая работа по денацификации Германии помогли вскрыть уловки и манипуляции режима, что позволило немцам «освободиться» от навязанных им образов. Подобное, к сожалению, не смогло в полной мере осуществиться в СССР и странах

⁵⁸ См. *Лебина Н.Б.* Повседневность эпохи космоса и кукурузы: Деструкция большого стиля: Ленинград, 1950-1960-е годы. С. 418-421

Восточного блока. Попытки преодоления культа личности, хотя и достигли некоторых результатов, не были реализованы полностью, поскольку за ширмой демократизации в СССР скрывалась уже привычная мифотворческая деятельность, нацеленная на усиление власти правящей верхушки. Тем самым, можно утверждать, что лишившись священной цели, советское государство «застряло» в плену собственных образов, оказавшись в состоянии тотального незаконченного перехода (недаром, эпоху позднего СССР называют «застоем»). Весьма показателен пример Германской Демократической Республики, которая будучи «витриной социализма», не могла, тем не менее, удержать значительную часть собственного населения от побега. Исследования показывают, что многими из желавших покинуть ГДР двигало не только и не столько недовольство властью, но естественное для человека желание к расширению горизонта своих возможностей, который, в случае Восточного блока, был ограничен идеологическими барьерами, а также искусственными иерархиями, восходящими еще к сталинскому времени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе рассмотрено понятие культурного ландшафта и его место в исследовании истории и культуры Новейшего времени. Как было показано выше, соотношение географического образа, формируемого властными структурами, и культурного ландшафта позволяет исследовать функционирование механизмов пропаганды тоталитарных государств. В данном контексте были рассмотрены нацистская и коммунистическая идеологии в том виде, в котором они существовали в середине XX века. Была дана характеристика мифологической основы данных идеологий и установлена взаимосвязь между тем, как менялись мифологемы в зависимости от задач, которые ставила перед собой власть, и тем, как менялось восприятие культурного ландшафта. Таким образом, можно сделать вывод о том, как образы, возникшие в государственной мифологии, посредством идеологических мероприятий становятся частью межкультурной коммуникации.

В процессе работы были рассмотрены различные виды идеологических мероприятий, которые являются неотъемлемой частью тоталитарных режимов. Был проведен анализ данных мероприятий на основе их соотнесенности с культурным ландшафтом соответствующего государства, а также с понятием географического образа. Были сделаны выводы о роли географического образа в формировании и поддержании идеологии и об использовании его в средствах государственной пропаганды. Предложенный в работе методологический аппарат может быть использован для дальнейшего исследования событий середины XX века, а также феномена тоталитаризма с учетом их огромного влияния на современную культуру.

Подводя итог исследованию механизмов формирования образов пространства властными структурами, можно также сделать вывод о том, что их роль в истории заметно выше, чем может показаться на первый взгляд, а способы их влияния на восприятие населением выходили за пределы

пропагандистских мероприятий. Несмотря на то, что больше полувека прошло со времени формирования структур и иерархий, поддерживавших государственную мифологию сталинской эпохи, их действие на культуру и общество ощущается и по сей день. Рассматривая масштаб подобных явлений во всей их тотальности, не кажется столь удивительным, что деятельность по преодолению нацистского прошлого в Германии на сегодняшний день не только не завершена, но и с каждым годом приобретает все большую актуальность. Несомненно, что невозможно в рамках одной работы ответить на вопрос: «Для чего нужна подобная деятельность здесь, в России?». Апелляция к образам культурного ландшафта в их соотнесенности с идеологической политикой, проводимой властными структурами, позволяет не только отчетливее увидеть закономерности взаимного восприятия культур в процессах межкультурной коммуникации, но и определить проблемные поля в стратегиях самопонимания культуры, что связано, например, с ситуацией в современной России. Поскольку события прошлого дают обширный материал для изучения, существует возможность для рассмотрения истории как отдельных феноменов, так и культуры в целом, что и является тем способом преодоления и принятия прошлого, который используется в Германии и других странах.

Также, при рассмотрении в исторической перспективе отдельных явлений, таких как межкультурная коммуникация на пограничье, появляется возможность к выделению из общего контекста исторических событий определенных паттернов, которые, будучи примененными к современной нам действительности, могут поспособствовать лучшему пониманию происходящих процессов и перспектив их дальнейшего развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. 288 с.
2. *Артамошкина Л.Е.* Сакрализация топосов в ландшафтных мирах биографии// Religious-Philosophical Articles. Riga, XXVII, 2017 (в печати)
3. *Баньковская С.П.* Другой как элементарное понятие социальной онтологии // Социологическое обозрение. 2007. №1. Том 6. С. 75-87.
4. *Баринов И.И.* Феномен «Ост» в политической философии национал-социализма // Петербургский исторический журнал. 2016. №2. С. 80-95.
5. *Басалаева И.П.* Фронтир как место в пространственном анализе социальной динамики // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. №18. С. 208-214.
6. *Безансон А.* Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы. М.: Издательство «МИК», 2000. 104 с.
7. *Берендс Я.К.* Физическое насилие: подход к истории и повседневности коммунистической диктатуры // Повседневная жизнь при социализме. Российские и немецкие подходы. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 31-54
8. *Вершинин С.Е.* Образ ГДР в советском массовом сознании (к постановке проблемы) // Научный ежегодник института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2003. №4. С. 336-353
9. *Замятин Д.Н.* Феноменология географических образов // Новое литературное обозрение. 2000. №6(46). С. 255-274
10. *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953. М.: РОССПЭН, 1999. 229 с.

11. *Каганский В.Л.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.
12. *Кёнен Г.* Между страхом и восхищением. «Российский комплекс» в сознании немцев. 1900-1945. М.: РОССПЭН, 2010. 511 с.
13. *Лаку-Лабарт Ф., Нанси Ж.-Л.* Нацистский миф (Перевод Фокин С.Л.). СПб: Издательство «Владимир Даль», 2002. 88 с.
14. *Лебина Н.Б.* Повседневность эпохи космоса и кукурузы: Деструкция большого стиля: Ленинград, 1950-1960-е годы. СПб.: Победа, 2015. 484 с.
15. *Михайлов А.В.* Об универсализме в русской и немецкой культурах // Славяно-германские исследования. М.: Индрик, 2000. С. 394-409
16. *Паперный, Владимир* Культура Два. 3-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 416 с.
17. *Пленков О.Ю.* Триумф мифа над разумом (немецкая история и катастрофа 1933 года). СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2011. 608 с.
18. *Рид, Джон.* 10 дней, которые потрясли мир. С предисловиями В. И. Ленина и Н. К. Крупской. — М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1957. 352 с.
19. *Розанов В.В.* Собрание сочинений. Апокалипсис нашего времени/Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2000. 429 с.
20. *Соколов Е.Г.* Имитация истории и риторические фигуры советской мифологии // Альманах «Метафизические исследования», Метафизические исследования: История. , Выпуск 2: Издательство СПбГТУ, 1997. С.153.

21. *Сокольских Н.Н.* Диалог пограничных культур // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. №31. Том 10. С. 134-139
22. *Тихомиров А.А.* «Лучший друг немецкого народа». Культ Сталина в Восточной Германии (1945-1961). М.: РОССПЭН, 2014. 337 с.
23. *Фатеев А.В.* Образ врага в советской пропаганде, 1945-1954. М.: РАН. Ин-т рос. истории в сотруд. с ун-том им. Меллена, 1999. 262 с.
24. *Фурсов Б.М.* Историческая динамика развития советской и постсоветской культур // Куда идет Россия?.. Трансформация социальной сферы и политика / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: Дело, 1998. С. 70-78
25. *Штейнбах Х.Э., Еленский В.И.* Психология жизненного пространства. СПб.: Речь, 2004. 238 с.
26. *Юнгер Э.* Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. СПб.: Наука, 2000. 539 с.
27. *Andronikashvili Z., Weigel S.* Zur Frage der Grundordnungen in Europa nach 1989 // 27. Grundordnungen: Geographie, Religion, Gesetz / Hg. Zaal Andronikashvili, Sigrid Weigel. Berlin: Kulturverlag Kadmos, 2013. S. 7-29.
28. *Behrends, J.C.* Die erfundene Freundschaft: Propaganda für die Sowjetunion in Polen und in der DDR (= Zeithistorische Studien. Band 32). 2006. S. 254-263
29. *Foucault, Michel* Andere Räume // Barck, Karlheinz u.a. (Hg.), Aisthesis. Wahrnehmung heute oder Perspektiven einer anderen Ästhetik. Leipzig: Reclam, 1992

30. *Lindenberger, Thomas* Die Diktatur der Grenzen. Zur Einleitung // Lindenberger, Thomas [Hrsg.], Herrschaft und Eigen-Sinn in der Diktatur. Köln: Böhlau, 1999. S. 12-44
31. *Macho T.* Europas Grenzen // Grundordnungen: Geographie, Religion, Gesetz / Hg. Zaal Andronikashvili, Sigrid Weigel. Berlin: Kulturverlag Kadmos, 2013. C. 169-179.